

COMMENTAIRE COMPOSÉ DE LITTÉRATURE RUSSE

Commentez, **en russe**, le texte suivant :

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ НА УКРАИНЕ

1931

С осени стали нажимать на картошку, без хлеба быстро она пошла. А к Рождеству начали скотину резать. Да и мясо это на костях, тощее. Курей порезали, конечно. Мясо быстро подъели, а молока глоточка не стало, по всей деревне яичка не достанешь. А главное — без хлеба. Забрали хлеб у деревни до последнего зерна. Ярового нечем сеять, семенной фонд до зернышка забрали. Вся надежда на озимые. Озимые под снегом еще, весны не видно, а уж деревня в голод входит. Мясо съели, пшено, что было, подъедают вчистую, картошку, у кого семьи большие, съели всю.

Ужас сделался. Матери смотрят на детей и от страха кричать начинают. Кричат, будто змея в дом вползла. А эта змея — смерть, голод. Что делать? А в голове у селян только одно — что бы покушать. Сосет, челюсти сводит, слюна набегает, все глотаешь ее, да слюной не накушаешься. Ночью проснешься, кругом тихо, ни разговору, ни гармошки. Как в могиле. Только голод ходит, не спит. Дети по хатам с самого утра плачут — хлеба просят. А что мать им даст — снегу? А помощи ни от кого. Ответ у партийных один — работать надо было, лодырничать не надо было. А еще отвечали: у себя самих поищите, в вашей деревне хлеба закопали на три года.

Но зимой еще настоящего голода не было. Конечно, вялые стали, животы вздуло от картофельных очистков, но опухших не было. Стали желуди из-под снега копать, сушили их, а мельник развел жернов пошире, молот желуди на муку. Из желудей хлеб пекли, вернее, лепешки. Они темные очень, темнее ржаного хлеба. Кое-кто добавлял отрубей или картофельных очистков толченых. Желуди быстро кончились — дубовый лесок небольшой, а в него сразу три деревни кинулись. А приехал из города уполномоченный и в сельсовете говорит: вот паразиты, из-под снега голыми руками желуди таскают, только бы не работать.

В школу старшие классы почти до самой весны ходили, а младшие зимой перестали. А весной школа закрылась — учительница в город уехала. И с

медпункта фельдшер уехал: кушать стало нечего. Да и не вылечишь голода лекарствами. Деревня одна осталась — кругом пустыня и голодные в избах. И представители разные из города ездить перестали — чего ездить? Взять с голодных нечего, значит, и ездить не надо. И лечить не надо, и учить не надо. Раз с человека держава взять ничего не может, — он становится бесполезным. Зачем его учить да лечить?

Сами остались, отошло от голодных государство. Стали люди по деревням ходить, просить друг у друга, нищие у нищих, голодные у голодных. У кого детей поменьше или одинокие, у таких кое-что к весне оставалось, вот многодетные у них и просили. И случалось, давали горстку отрубей или картошек парочку. А партийные не давали — и не от жадности или по злобе, боялись очень. А государство зернышка голодным не дало, а оно ведь на крестьянском хлебе стоит. Неужели Сталин про это знал? Старики рассказывали: голод бывал при Николае — все же помогали, и в долг давали, и в городах крестьянство просило Христа ради, кухни такие открывали, и пожертвования студенты собирали. А при рабоче-крестьянском правительстве зернышка не дали, по всем дорогам заставы и войска, милиция, энкаведе: не пускают голодных из деревень, к городу не подойдешь, вокруг станции охрана, на самых малых полустанках охрана. Нету вам, кормильцы, хлеба. А в городе по карточкам рабочим по восемьсот грамм давали. Боже мой, мыслимо ли это — столько хлеба — восемьсот грамм! А деревенским детям ни грамма. Вот как немцы, детей еврейских в газу душили — вам не жить, вы жида. А здесь совсем не поймешь: тут советские — и тут советские, и тут русские — и тут русские, и власть рабоче-крестьянская, а за что же эта погибель.

Василий ГРОССМАН
Все течет...(1955-1963)